В. Соловьев. Полонский (краткий очерк)

Оригинал электронной версии здесь: RULEX

Владимир Соловьев.

Полонский (Яков Петрович) - один из главных русских поэтов послепушкинской эпохи, родился 6 декабря 1820 г. в Рязани, сын чиновника; учился в местной гимназии, потом в Московском университете, где его товарищами были Фет и С. М. Соловьев. По окончании курса Полонский, в качестве домашнего учителя, провел несколько лет на Кавказе (1846 - 52), где был помощником редактора "Закавказского Вестника" и за границей. В 1857 г. женился, но скоро овдовел; во второй раз в 1866 г. женился на Жозефине Антоновне Рюльман (скульптор-любительница, известная бюстом Тургенева, поставленным в Одессе). По возвращении в Россию он долго служил цензором в комитете иностранной цензуры; с 1896 г. состоит членом совета главного управления по делам печати. В совокупности стихотворений Полонского нет той полной гармонии между вдохновением и размышлением и того убеждения в живой действительности и превосходстве поэтической истины сравнительно с мертвящей рефлексией, каким отличаются, например, Гете, Пушкин, Тютчев. Полонский был очень впечатлителен и к тем движениям новейшей мысли, которые имели антипоэтический характер: во многих его стихотворениях преобладает прозаичность и рассудочность; но там, где он отдается чистому вдохновению мы находим у него образцы сильной и своеобразной поэзии. Типичные стихотворения Полонского имеют ту отличительную черту, что самый процесс вдохновения - переход или порыв из обычной материальной и житейской среды в область поэтической истины - остается ощутительным. Обыкновенно в поэтических произведениях дается готовый результат вдохновения, а не самый подъем его, остающийся скрытым, тогда как у Полонского он чувствует иногда в самом звуке его стихов, например:

То не ветер - вздох Авроры
Всколыхнул морской туман...

В одном из первых по времени стихотворений, Полонским как будто заранее очерчены область и характер его поэзии:

Уже над ельником из вершин колючих
Сияло золото вечерних облаков,
Когда я рвал веслом густую сеть пловучих
Болотных трав и водяных цветов...

От праздной клеветы и злобы черни светской
В тот вечер наконец мы были далеко
И смело ты могла с доверчивостью детской
Себя высказывать свободно и легко.
И голос твой пророческий был сладок,
Так много в нем дрожало тайных слез,
И мне пленительным казался беспорядок
Одежды траурной и светло-русых кос.
Но грудь моя тоской невольною сжималась,
Я в глубину глядел, где тысячи корней
Болотных трав невидимо сплеталось
Подобно тысяче живых зеленых змей.
И мир иной мелькал передо мною,
Не тот прекрасный мир, в котором ты жила...
И жизнь казалась мне суровой глубиною
С поверхностью, которая светла.

"Пленительным беспорядком" отличаются произведения Полонского; есть в них и "траур" по мирскому злу и горю, но голова его музы сияет отражением небесного света; в ее голосе смешиваются тайные слезы переживаемого горя с пророческой сладостью лучших надежд; чувствительная - быть может, даже слишком - к суете и злобе житейской, она стремится уйти от них за "колючие вершины любви" "в золотые облака" и там высказывается свободно и легко с доверчивостью детской. Исходя из противоположности между тем прекрасным и светлым миром, где живет его муза, и той "суровою глубиною" действительной жизни, где сплетаются болотные растения зла своими "змеиными корнями",